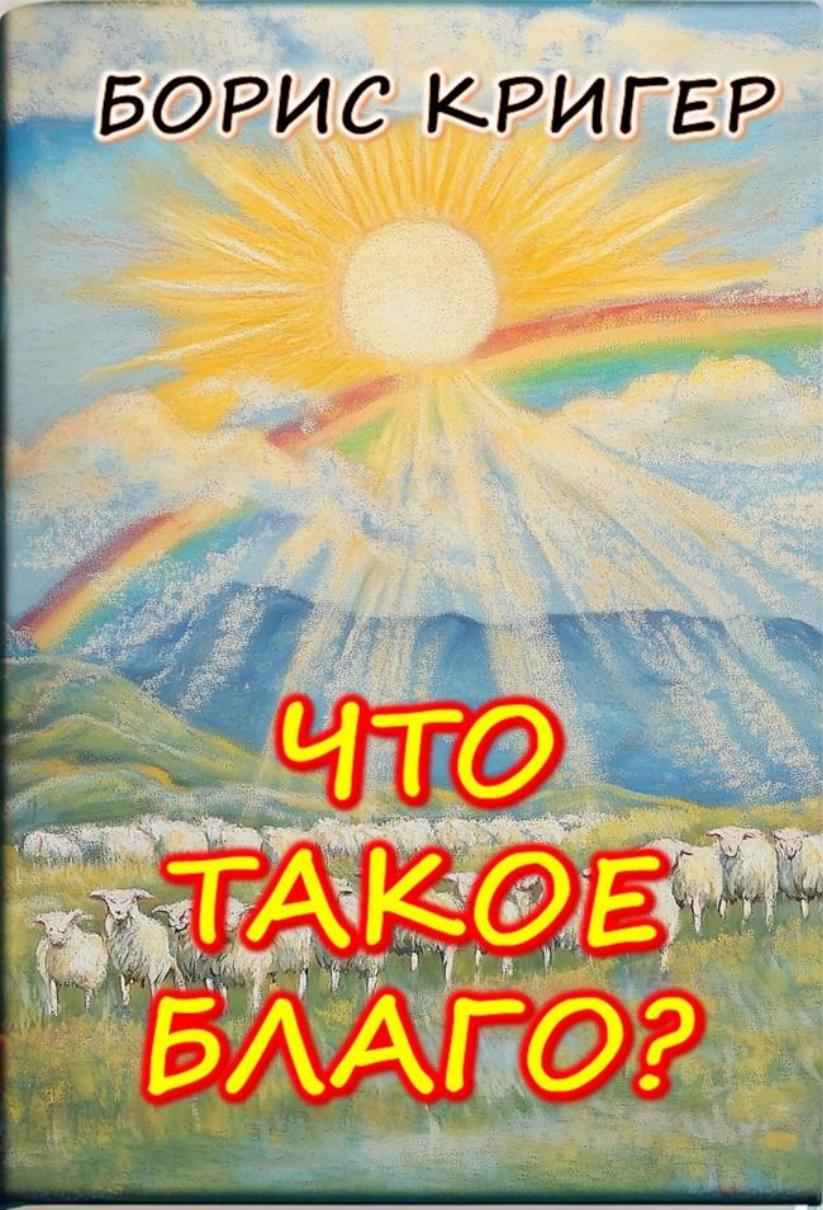

БОРИС КРИГЕР

ЧТО
ТАКОЕ
БЛАГО?

БОРИС КРИГЕР

ЧТО
ТАКОЕ
БЛАГО?

© 2024 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

"Что такое благо?"

Эта книга представляет собой философское исследование понятия блага, его значения и роли в человеческой жизни. Автор ставит перед собой задачу разобраться в том, что на самом деле является благом и как его восприятие меняется в зависимости от контекста, культуры и индивидуальных особенностей человека. Книга предлагает критический взгляд на современные представления о благополучии и удовольствии, анализируя их через призму классической и современной философии, включая работы таких мыслителей, как Кант, Гегель, Лакан и Жижек. Кригер подчеркивает, что истинное благо не сводится к простому удовлетворению потребностей или достижению поставленных целей, а требует глубокого самопознания, осознанности и рефлексии. В своей работе автор также поднимает вопросы о сущности времени, существования и смысла жизни, предлагая читателю рассматривать благо как процесс непрерывного поиска и стремления к гармонии с окружающим миром и самим собой.

БОРИС КРИГЕР. ЧТО ТАКОЕ БЛАГО?

Часто ли мы задаёмся вопросом «что есть благо?» Ведь ответ кажется таким простым и очевидным на первый взгляд, но по мере размышлений, становится всё более неопределенным. И это не просто праздный интерес, не абстрактный философский запрос, но один из тех вопросов, который проникают в самую глубь, заставляя сомневаться всё человеческое естество. А вдруг я неверно понимаю благо и, сам того не ведая, причиняю себе зло? Ведь благо — это не всегда очевидное или однозначное понятие. То, что кажется благом на первый взгляд, может, при более глубоком рассмотрении, оказаться злом, или, по крайней мере, не привести к тому удовлетворению и счастью, которое ожидалось.

Человеческое восприятие блага может быть ошибочным, и это приводит к самообману, когда мы принимаем за благо то, что на самом деле вредит нам. Этот парадокс особенно актуален в условиях, когда наши желания и стремления формируются под влиянием внешних факторов — культуры, общества, личных убеждений — которые могут искажать наше понимание того, что действительно является благом для нас.

Важным аспектом является осознание того, что благо — это не всегда немедленное удовлетворение потребностей или достижение поставленных целей. Истинное благо может требовать терпения, самопознания и глубокой рефлексии, чтобы понять, что на самом деле приносит пользу, а что — нет. Осознанность и сомнения в собственных мотивах и целях — это важные

инструменты, помогающие избежать саморазрушения под маской поиска блага.

В конечном итоге, важно помнить, что понятие блага глубоко связано с контекстом, личностью и временем. То, что кажется благом сегодня, может завтра показаться злом. Поэтому постоянный анализ, самоанализ и готовность пересматривать свои взгляды — это ключевые элементы на пути к пониманию истинного блага.

Мы живём в мире, где каждое мгновение пронизано потенциальным страданием, где за каждую улыбку приходится платить слезами, где каждый луч надежды неминуемо затмевается отчаянием. И вот в этом мире, полном противоречий и абсурда, человек ищет благо — то самое благо, которое должно оправдать его существование, принести хотя бы мгновение покоя и умиротворения.

Но что же это такое — благо? Можно ли его определить? Ведь как только начинаешь размышлять над этим, сразу осознаешь, что понятие блага словно ускользает, растворяясь в бесконечной противоречивости человеческих желаний и надежд. Благо — это, конечно, нечто великое, нечто абсолютное, нечто такое, к чему каждый стремится, но кто из нас может сказать, что он обрёл его? Кто может с уверенностью утверждать, что нашёл то самое высшее благо, ради которого стоит жить?

А ведь благо — это не просто понятие, не просто слово. Это то, что осеняет всю человеческую жизнь, что присутствует в каждом нашем поступке, в каждом нашем помысле. Мы можем называть его по-разному, можем спорить о его природе, но каждый из нас, даже не сознавая этого, ищет, страдает, тоскует по нему, как по

утраченному раю.

И вот, на грани отчаяния, человек задаёт себе этот мучительный вопрос: что есть благо? И понимает, что ответа нет, что благо – это нечто, что каждый должен найти сам, в себе, в борьбе, в страданиях, в постоянном поиске. И, возможно, это и есть самое удивительное, и в то же время страшное: осознание того, что благо – это не конечная цель, а бесконечный процесс, мучительный в своей кажущейся бессмысленности и тщетности, но всё же единственный, что даёт нам силы продолжать жить, несмотря на всю безысходность и жестокость окружающего мира.

Прежде чем начать разговор о человеческой психике, а тем более её критике, следует договориться о том, что мы будем считать благом. ¹ Благо -- базисный философский концепт, потому что любые другие рассуждения, рано или поздно, будут нисходить к их основе. И оценочные суждения являются неизбежными практически в любой человеческой беседе. Даже если мы не хотим их использовать совсем, сам человеческий язык вынуждает нас прибегать к оценочным суждениям. «Хорошо», «плохо», «согласен», «несогласен», «верно», «неверно». ²

Для большинства живых существ, кроме людей, сформулировать понятие блага относительно легче.

---

¹ Материал разработан при содействии Сергея Андреевича Коретко – Магистра политологии

Образование: Пермский государственный национальный исследовательский университет, историко-политологический факультет, историк, преподаватель истории, диплом специалиста с отличием 2014 г.

Европейский университет в Санкт-Петербурге, факультет политических наук и социологии, магистр политологии 2017 г.

² Kriger, Boris. "The Elusive Good: Philosophical Reflections on Purpose and Fulfillment." The Common Sense World. 2024.

Вообще, если мы обратимся к словарям, то чаще всего благо характеризуется удовлетворением определённых потребностей живого существа.

И поскольку у животных потребности более понятны и менее запутаны, менее противоречивы, то определение понятия блага для животного будет, скорее всего, проще.

Для основы такого рассуждения очень удобно взять пирамиду потребностей Абрахама Маслоу, американского психолога, который опубликовал свои идеи в 40-е годы XX века. Эта пирамида потребностей включает и общие потребности, которые есть у нас вместе с животными. Первыми ступенями являются базисные потребности: размножение, секс, еда, питьё. Дальше идёт ступень – безопасность. Следующая ступень идёт – любовь. Ну, любовь, в смысле... Когда индивидуальная особь не отторгается тем социумом, в котором она находится. Далее идёт потребность в знании. То есть, инстинкт «что такое», инстинкт любопытства. Это мы встречаем и у животных. Дальше потребность в эстетике. Последние исследования приводят различные виды, которым мы можем присвоить такие вещи... Есть такие рыбки, которые выстраивают ракушки совершенного в определённом порядке, и так далее. Будет спорно говорить, есть ли эта потребность у животных, или нет, но у людей, соответственно, безусловно, есть. И дальше идёт более высокая потребность – потребность в самореализации. Часть этой самореализации – помочь другим достигнуть их собственной самореализации. Вот такую пирамиду предложил психолог Маслоу.

Что касается животных, что же для них является благом? Ну, можно сказать, что благом является удовлетворение

их жизненных потребностей. Накормить, напоить, поиграть с котом, или с кем там, необходимо. Предоставить им свободу, чтобы они могли исследовать там, где они живут. Именно это их толкает на какие-то путешествия, куда-то залазить. И это даже, может быть, в какой-то степени опасно, но всё равно эволюционно выгодно.

Единственное, как регулируется это удовлетворение? Как организм ощущает, что ему хорошо? Это тоже довольно стандартно для многих видов. Идёт выделение определённых гормонов, таких как эндорфин, окситоцин, дофамин, которые, по сути, являются коктейлем наслаждения. Но сами по себе эти гормоны не могут быть как бы исключительным благом, потому что были опыты с крысами, когда им предлагали давить на педальку, и таким образом стимулировали область мозга, отвечающую за выделение гормонов счастья, эндорфинов. И крысы прекращали заниматься чем бы то ни было, переставали есть, прекращали все свои жизненные функции, и в конечном итоге умирали, продолжая давить на эту педальку, всё больше и больше пытаясь удовлетворить себя чисто физиологически вот этими гормонами.

Определение блага для человека действительно становится сложной задачей, так как оно зависит от множества факторов, включая индивидуальные особенности, культурный контекст, жизненный опыт и мировоззрение. Благо может быть определено как то, что способствует физическому, эмоциональному и психическому благополучию человека. Это включает в себя не только базовые физиологические потребности, удовлетворение которых может сопровождаться

выбросом гормонов удовольствия, но и более сложные аспекты, такие как чувство удовлетворения, счастья, смысла жизни и внутренней гармонии.

С точки зрения физиологии, благо может быть связано с состояниями, которые способствуют стабильности и комфорту организма, такими как отсутствие стресса, достаток необходимых веществ, хорошее здоровье и удовлетворение потребностей в безопасности и любви. В то же время, благо может включать в себя такие аспекты, как самореализация, духовное развитие и достижение личных целей, что выходит за рамки чисто физиологических процессов.

В итоге, определение блага можно сформулировать как состояние или процесс, способствующий максимальному гармоничному развитию личности, учитывая её внутренние потребности и внешние условия.

Но, тут мы поднимаем важный вопрос, связанный с господствующим идеалом наслаждения в современном обществе, который, как верно замечают такие мыслители, как Славой Жижек и Жак Лакан, действительно стал основополагающим императивом. Этот императив отражает культуру, где удовлетворение и постоянный поиск чувственного удовольствия считаются почти обязательными условиями для жизни. Это действительно симптоматично для эпохи, в которой мы живем, и демонстрирует, как глубоко укоренены такие представления в нашем коллективном сознании.

В таком контексте, благо и наслаждение часто смешиваются в общественном восприятии, где благо становится синонимом удовольствия или потребления. Однако это смешение, имеет свои минусы. Стремление к

постоянному увеличению наслаждения может приводить к негативным последствиям, как в случае с крысой из известного эксперимента со стимуляцией центра удовольствия, которая буквально "донаслаждалась" до смерти. Этот пример демонстрирует парадокс: когда наслаждение становится самоцелью, оно может привести к разрушению, как физиологическому, так и психологическому.

В западной культуре, и не только в ней, существует тенденция гипертрофии удовольствия, где оно рассматривается как нечто, что нужно постоянно максимизировать. Однако, как показывают философские и психоаналитические исследования, это может приводить к состоянию, когда наслаждение становится невыносимым или даже губительным. В этом смысле, критика Жижека и Лакана помогает нам осознать опасность превращения наслаждения в центральный элемент нашей жизни и предлагает задуматься о более сбалансированных подходах к пониманию блага.

Это открывает пространство для более глубокой рефлексии о том, что действительно составляет благо для человека. Возможно, благо лежит не только в удовольствии, но и в других аспектах жизни, таких как смысл, долг, общение, творчество и самопознание, которые выходят за рамки чисто гедонистического восприятия жизни.

Императив бесконечного наслаждения и продуктивности приводит человека к состоянию, которое может стать невыносимым и разрушительным. Это свидетельствует о том, что такое понимание блага является ограниченным и даже вредоносным, поскольку оно игнорирует более глубокие аспекты человеческого

существования.

С древних времен благо понималось как нечто более всеобъемлющее, связанное не только с личным удовольствием, но и с общим благом, которое охватывает моральные, этические, социальные и духовные измерения жизни. Благо в античной философии, например, воспринималось как гармония души и общества, как стремление к добродетели, к справедливости и к смыслу. В христианской традиции благо связано с понятием любви, милосердия и служения ближнему. В восточных философиях оно может включать в себя гармонию с природой и внутреннее просветление.

По этой причине, попытка свести благо к простому наслаждению или продуктивности игнорирует многогранность человеческой природы и обесценивает те аспекты жизни, которые выходят за рамки гедонистической парадигмы. Поэтому важнейшая задача критических мыслителей заключается в том, чтобы исследовать, переосмысливать и переопределять понятие блага. Это включает в себя осознание того, что благо может быть связано с личным развитием, с отношениями с другими людьми, с чувством принадлежности к чему-то большему, с творчеством, самопознанием и самореализацией.

Дать единое, непротиворечивое определение блага – задача почти невыполнимая, именно потому, что благо является идеалом, который включает в себя множество элементов и меняется в зависимости от контекста. В этом смысле благо может восприниматься как динамическое понятие, которое требует постоянного переосмыслиния и адаптации к новым условиям жизни и новым вызовам,

стоящим перед человечеством.

Понятие блага, как и любое другое понятие, не является статичным или однозначным. В духе Гегеля понятие представляет собой не просто единое целое, но целое, которое содержит в себе противоречия и различные элементы, находящиеся в постоянном движении и развитии.

Гегель в своей диалектике утверждает, что понятие является процессом, а не фиксированной сущностью. Оно развивается через столкновение противоположностей, и это развитие не ведет к простому уничтожению противоречий, но к их интеграции в более высокое единство. В случае с понятием блага это означает, что оно включает в себя множество различных аспектов, которые могут казаться несовместимыми или даже противоречивыми, но тем не менее составляют его сущность. Например, благо может включать как личное счастье, так и общественное благо, как материальное благополучие, так и духовное развитие.

Идея о том, что понятие блага изначально пустое и заполняется различными содержаниями, также имеет глубокий смысл. Эта пустота, как указывает Гегель, не является просто отсутствием содержания, но скорее открытостью для различных значений и смыслов, которые благо может приобрести в различных контекстах. Это напоминает утверждение «я знаю, что ничего не знаю», которое подчеркивает осознание своих собственных ограничений и необходимость постоянного поиска истины.

Соответственно, понимание блага как понятия, которое заполняется разными содержаниями, позволяет нам избегать догматизма и признавать, что наше понимание

блага может и должно развиваться. Это также открывает путь для того, чтобы благо рассматривалось не как фиксированная цель, но как процесс, как постоянный диалог между разными аспектами человеческого существования, которые требуют осознания и синтеза.

Мы можем рассматривать благо в рамках дуализма, где существует выбор между двумя крайностями — существовать или не существовать. На первый взгляд, может показаться, что это простая дилемма, но при более глубоком рассмотрении она раскрывает перед нами целый спектр значений и возможных ответов.

Некоторые могут утверждать, что несуществование — это путь наименьшего сопротивления, путь, который не требует усилий или размышлений. Но что, если мы подумаем о том, что само по себе несуществование может быть невозможным? Что, если мир устроен так, что несуществование в нем не предполагается вовсе? Может быть, есть другие измерения, другие сферы бытия, которые мы иногда называем потусторонним миром, астралом или иными словами, но они тоже являются частью существования.

Если мы представим себе время как обратимую величину, как нечто, что не ограничивается линейной последовательностью событий, то приходим к мысли: если мы существовали в этом мире, у нас больше нет выбора не существовать. Если время — иллюзия, то, единожды существовав, мы уже стали неотъемлемой частью этого мира, его структуры, его истории. Наша жизнь, даже завершенная, уже навсегда вписана в ткань бытия. В таком случае вопрос о благе приобретает новое измерение.

Благо может заключаться не просто в существовании, но

в достойном существовании, в осмысленной жизни, в гармонии с миром и с собой. Мысль о том, что наше существование не может быть отменено, что оно уже является частью чего-то большего, подталкивает нас к осознанию ответственности за свою жизнь и за те следы, которые мы оставляем в этом мире.

Из этого следует, что благо не сводится к простому бытию. Оно — это искусство жить, искусство существовать так, чтобы каждое мгновение нашей жизни стало вкладом в вечность, стало частью бесконечного процесса, который, однажды начавшись, никогда не может быть полностью, или даже частично стёрт.

Если время представить как единый блок, в котором ничего не устаревает и не исчезает, то возникает идея о том, что каждая секунда нашего существования не просто проходит и исчезает, а остаётся навсегда частью этого непрерывного временного блока. В этом контексте благо, или добродетельная жизнь, не сводится лишь к простому факту существования или к выживанию. Это становится искусством жить таким образом, чтобы каждое мгновение имело значимость и оставалось в вечности.

Смысл этого подхода в том, что наши действия, мысли и переживания вписываются в нечто большее, чем текущее мгновение — они становятся вкладом в вечный процесс, в котором ничего не забывается и не стирается. Таким образом, наше существование приобретает более глубокое значение: жизнь становится не просто чередой моментов, а искусством, где каждое мгновение важно, поскольку оно навсегда остаётся частью общего полотна времени.

В физике существует концепция, которая рассматривает

время как своего рода "блок," известная как теория блока времени или "блок-вселенная." Эта идея связана с теорией относительности, предложенной Альбертом Эйнштейном. В блок-вселенной время рассматривается как четвёртое измерение наряду с трёхмерным пространством. В этом представлении всё, что происходит во времени, от прошлого через настоящее к будущему, уже "существует" в определённом смысле.

Согласно этому подходу, вселенная воспринимается как четырёхмерный блок, в котором прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно. Это не значит, что мы воспринимаем их одновременно, но с точки зрения блок-вселенной, все события времени расположены в этом блоке так же, как точки на пространственной карте. Мы, как наблюдатели, перемещаемся вдоль времени, как по линии, но все события уже "есть" в этом блоке.

Следовательно, можно сказать, что у этой идеи есть физические основания. Она вытекает из современных научных теорий и интерпретаций пространства-времени. Однако это больше философская интерпретация физической теории, и вопрос о том, является ли время действительно "блоком" или же оно течёт иначе, остаётся предметом дебатов в философии и физике.

Здесь, на уровне понятий, неважно, идет ли речь о религии или атеизме, ключевым становится обсуждение сущности существования. Когда мы касаемся природы времени, это разговор, скорее, метафизический, но одновременно и физический, поскольку современные научные открытия всё чаще указывают на то, что время не является необратимой шкалой измерения Вселенной. Время, по сути, это инструмент нашего сознания, способ восприятия окружающего мира. Наше сознание может

воспринимать мир только через последовательное воспроизведение его внутри нас, и именно это восприятие мы называем временем.

Физики уже давно, начиная с Эйнштейна и его знаменитого письма вдове своего друга Бессо, утверждают, что время, как объективная реальность, не существует.

Вот точные слова Эйнштейна: «различие между прошлым, настоящим и будущим — лишь иллюзия, хотя и упорная.» -- "...der Unterschied zwischen Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft nur die Bedeutung einer wenn auch hartnäckigen Illusion."

То есть восприятие времени - это свойство нашего сознания, и если мы примем такую точку зрения, которая не требует религиозных убеждений, то придем к интересному выводу: если мы уже существовали, то становимся неотъемлемой частью этого мира, интегрируемся в него на всегда.

Эффект бабочки, о котором часто говорят, подчеркивает это: даже самое малое событие в прошлом может повлиять на всю структуру реальности. Если кто-то раздавит бабочку в прошлом, это может изменить весь мир. Таким образом, если мы уже существовали, то мы неизбежно продолжаем существовать, становясь частью этого сложного и переплетающегося комплекса времени и пространства.

Итак, вопрос о том, есть ли у нас выбор существовать или не существовать, приобретает новый смысл. Ответ становится однозначным: если мы уже существовали, то будем существовать всегда. В пространственно-временном континууме, в котором мы существуем, мы

неизбежно остаемся частью Вселенной, хотя бы в одном из возможных и реализованных её состояний.

Но всё это можно назвать специфически понятым кантианством, и действительно имеет свои корни в критической философии Канта, который утверждал, что пространство и время – это формы нашего восприятия, организующие реальность для нас. Эти категории структурируют наше понимание мира, но Кант также вводит понятие "вещи в себе" – реальности, существующей за пределами нашего восприятия, за пределами пространства и времени. Кант предпринял этот шаг в борьбе с метафизикой, которая стремилась утверждать абсолютные основания всего сущего без должной рефлексии.

Кантовская критика метафизики была направлена на то, чтобы освободить философию от догматизма, но при этом она оставила место для размышлений о том, что может лежать за пределами наших категорий восприятия. Кант пытался показать, что наше знание ограничено, и что мы можем только предполагать присутствие некой сущности вещей вне наших чувственных и разумных способностей.

Однако этот шаг порождает множество последствий. Вопрос о том, что лежит за пределами нашего восприятия, остается открытым. Мы не можем точно знать, какова реальность "вещи в себе", и любые попытки утверждать о ней что-то определенное возвращают нас к метафизике, от которой Кант пытался уйти.

Возвращаясь к нашей дискуссии о времени и существовании, можно сказать, что Кантианская перспектива действительно предлагает интересную, хотя

и ограниченную, точку зрения на реальность. Она подчеркивает, что наше восприятие времени и пространства – это не объективная истина, а лишь способ, которым мы структурируем мир. Но при этом мы не должны забывать о тех границах, которые накладывает на нас эта перспектива, и о том, что за пределами наших категорий может существовать нечто совершенно иное, недоступное нашему пониманию.

Наша жизнь представляет собой неисчерпаемый и неисследованный мир, полный тайн и парадоксов. В стремлении разобраться в них, мы неизбежно сталкиваемся с границами нашего восприятия и понимания. В этом процессе философские идеи, как кантианство, так и метафизика, предоставляют нам инструменты для осмыслиения этой загадочной и многослойной реальности, но они также заставляют нас признать наши ограничения и необходимость постоянного поиска и переосмыслиния.

По Канту, благо тесно связано с понятием доброй воли и морального закона. В его этической системе, изложенной в "Критике практического разума" и "Основах метафизики нравов", благо определяется как то, что соответствует моральному закону, который человек сам накладывает на себя через разум.

В "Критике практического разума" "Kritik der praktischen Vernunft" Кант пишет:

«Моральный закон сам по себе имеет в себе не только высшую причину воли, но и высшее благо как объект воли»

«Das moralische Gesetz allein, und das Pflichtmäßige (флихтс мэсигэ), hat also einen Wert, der alles andere, was

eine Neigung erregen kann, unendlich übersteigt убер штайгт...»

Кант утверждает, что истинное благо заключается не в удовлетворении желаний или стремлений, а в выполнении долга. Долг, по Канту, диктуется категорическим императивом — универсальным моральным принципом, который можно выразить в форме Категорический императив Иммануила Канта звучит так: "Поступай только согласно той максиме, которую ты можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом."

"Handle nur nach derjenigen Maxime, durch die du zugleich wollen kannst, dass sie ein allgemeines Gesetz werde."

Эта формулировка представляет собой основу кантовской этики и выражает идею, что моральное действие должно основываться на принципе, который может быть принят как универсальный закон для всех. Это означает, что благо — это то, что является правильным с точки зрения разума и может быть универсализировано, а не то, что просто приносит удовольствие или удовлетворение.

Тем самым, благо по Канту — это нечто объективное и универсальное, что связано с моральным законом и добной волей. Оно не зависит от индивидуальных предпочтений или ситуаций, но определяется рациональной способностью человека действовать в соответствии с принципами, которые могут быть общими для всех разумных существ.

По Гегелю, благо рассматривается в контексте его диалектической философии и концепции развития мирового духа. Для Гегеля благо связано с реализацией

свободы и воплощением разума в мире. В его системе благо — это нечто, что проявляется через процесс исторического развития, где индивидуальные и общественные цели постепенно совпадают в рамках всеобщего разума.

Гегель не видит благо как статичную категорию или отдельное состояние, а как процесс, который развивается через преодоление противоречий. Благо достигается, когда индивид осознает свою роль в более широком контексте общественного и исторического развития и действует в соответствии с этим осознанием. В этом процессе свобода, по Гегелю, — это способность индивида к самопознанию и саморазвитию, которые ведут к гармонии с объективным духом — совокупностью нравственных, социальных и политических институтов, выражающих разум.

В итоге, благо по Гегелю — это процесс достижения истинной свободы и разумности, который реализуется через движение и развитие исторического процесса. Оно связано с интеграцией личных и общественных интересов в рамках всеобщей цели, определяемой развитием духа.

Размышления о философии Гегеля и сущности существования раскрывают глубокие параллели между философскими и религиозными взглядами на мир. Гегельянская концепция мирового духа, который разрешает внутренние противоречия и направляет историю вперед, может напоминать религиозные убеждения, где божественная сила ведет мир к своему конечному совершенству. Однако интерпретация Гегеля не обязательно ограничивается панлогистическим подходом, где все объясняется через логику. Его идеи

также можно воспринять как попытку понять мир как динамический процесс, в котором центральное место занимают разум и свобода.

Гегель предлагает рассматривать мир как процесс, в котором истина и благо проявляются через диалектическое развитие, включающее борьбу противоположностей и их синтез. Этот подход, безусловно, несёт в себе религиозные оттенки, особенно когда речь идет о реализации абсолютного духа, но одновременно открывает возможности для множества интерпретаций, будь то религиозных или светских.

Идея о бесконечном множестве параллельных Вселенных, в которых всё, что может или не может существовать, фактически существует или потенциально может существовать, перекликается с философскими концепциями вечных и неизменных идей Платона. Если такие идеи существуют, то они делают невозможным само понятие несуществования. Это приводит к выводу, что существование, в какой бы форме оно ни проявлялось — активной или потенциальной, — является фундаментальной чертой реальности.

Этот вывод поднимает важные вопросы о природе бытия и сущности нашего мира. Существование, как одно из самых загадочных и труднопостижимых явлений, остаётся центральной темой для размышлений. Даже если мы приложим все усилия и задействуем весь наш интеллект, некоторые аспекты реальности, возможно, останутся для нас недоступными и навсегда скрытыми.

Имея в виду вышесказанное, можно прийти к выводу, что существование и несуществование представляют собой взаимозависимые и неразрывно связанные понятия. Идея о том, что несуществование может быть

высшим благом, на первый взгляд может показаться логически обоснованной. Однако при более глубоком рассмотрении становится очевидным, что в этом утверждении заложено противоречие. Несуществование не может быть благом в привычном нам смысле, потому что благо подразумевает наличие субъекта, которому оно может быть предоставлено. Если же нет субъекта, то и благо теряет свой смысл.

Более того, само понятие несуществования является абстрактным и трудно поддается конкретной интерпретации. Что именно мы имеем в виду, говоря о несуществовании? Отсутствие физического тела, отсутствие сознания, или полное исчезновение всех качеств и свойств? Если же говорить о несуществовании в потенциале, то это уже совсем иное понятие, которое можно интерпретировать по-разному в зависимости от контекста.

Из этого следует, что вопрос о возможности несуществования остается открытым и требует более глубокого и всестороннего осмыслиения. Вместо поиска окончательного ответа на этот вопрос, возможно, более продуктивным будет изучение природы бытия и его связи с небытием. Это может помочь нам лучше понять, как наш мир функционирует и какие законы его определяют.

Когда речь заходит о праве на принятие решений относительно рождения или не рождения ребенка, мы сталкиваемся с еще более сложными и дискуссионными вопросами. Эти решения зависят от множества факторов, включая этические, религиозные и социальные убеждения. В контексте обсуждаемого вопроса можно сказать, что решение о рождении ребенка

должно быть основано на стремлении к его благу, а также на учете блага общества в целом. Если ребенок может оказаться лишенным достойной жизни из-за тяжелой болезни или других обстоятельств, возможно, не рождаться было бы объективно лучше. Однако это не означает, что мы имеем право диктовать жизненные решения другим людям, включая решение о рождении ребенка.

В конечном счете, эти вопросы требуют не только философского анализа, но и глубокого уважения к свободе воли и индивидуальным обстоятельствам каждого человека.

Благо может интерпретироваться по-разному в зависимости от контекста и конкретных обстоятельств. В общем смысле, благо подразумевает достижение счастья, благополучия и удовлетворения — как для отдельного человека, так и для общества в целом. Однако каждый человек формирует своё собственное понимание того, что является благом, исходя из личного опыта, ценностей и мировоззрения.

Рассмотрим аналогию с азартной игрой, где вы готовы поставить на кон всё, что для вас дорого. В этом контексте стоит задуматься: действительно ли оправдан риск? Азартная игра всегда сопряжена с опасностями и потерями, и даже самый большой выигрыш может не компенсировать возможных утрат. Разумнее, без сомнения, воздержаться от игры, чем рисковать тем, что для вас столь ценно. Это метафора для жизни: иногда благо заключается не в том, чтобы рваться вперёд любой ценой, а в том, чтобы защитить и сохранить то, что у вас уже есть.

Когда мы говорим о ценности жизни, мы часто

предполагаем, что сама жизнь на этой земле обладает неким присущим ей благом. Но из этого не следует, что мы должны слепо верить в справедливость мира, в котором живем. Опыт учит нас тому, что жизнь может быть как светлой и радостной, так и полной испытаний и трудностей. Иногда наиболее надежным способом защиты своих интересов может показаться избегание самой возможности существования в этом мире.

Этот вывод кажется парадоксальным, но он подчеркивает глубину вопроса о благости жизни. Если рассматривать благо в широком смысле, то оно включает в себя не только радости, но и страдания, и выбор в пользу существования или несуществования становится вопросом личного восприятия и философской позиции. Возможно, истинное благо заключается не в избегании риска или трудностей, а в принятии и осознании ценности жизни, во всех её проявлениях, даже если это подразумевает переживание не только светлых, но и тёмных дней.

Следуя философским размышлениям, если мы примем за истину, что в мире нет ничего, что никогда не было и что никогда не будет, то этот постулат можно считать безупречным, поскольку он не порождает никаких противоречий. Единственное, что может вызвать затруднение в нашем рассуждении, — это наше воображение, способное представить полное отсутствие всего. Однако это лишь подтверждает наше существование как мыслящих сущностей, обладающих способностью к осмыслинию мира. Это приводит нас к знаменитому выводу Рене Декарта: «*Cogito, ergo sum*» — «Я мыслю, следовательно, я существую». Таким образом, единственное противоречие, которое может

возникнуть в этом мире, — это мы сами, со всеми нашими мыслями и сомнениями.

Если бы мы были лишены способности действовать, мыслить, чувствовать — словом, если бы мы не существовали, — то и противоречий не было бы. Однако именно наша способность к действию, к осмыслиению своего бытия порождает в нашей жизни множество противоречий и сложностей. В своей сути мы раздвоены: в нас сосуществуют способность к восхищению и радости, но также склонность к унынию, горю и разочарованию. Такова природа нашего бытия.

Мир существует независимо от нас, и мы — лишь малая часть этой великой тайны. Размышления о том, как мы воспринимаем и осознаем этот мир, не означают отрицания его существования. Скорее, они подчеркивают нашу попытку разобраться в его природе, в той реальности, которая нас окружает. Такое теоретическое построение помогает нам взглянуть на мир с другой стороны, увидеть его как нечто более глубокое и многослойное, чем просто данность, которая воспринимается нашими чувствами.

Соответственно, философское осмысление нашего существования не только подтверждает нашу связь с миром, но и раскрывает перед нами новые перспективы понимания самой природы этой связи, сложной и противоречивой, но в то же время удивительно богатой и глубокой.

Наше размышление напоминает путешествие в старинный класс, где каждое слово и каждая мысль пропитаны мудростью и глубоким смыслом. Но когда мы стираем все надписи на доске, мы словно начинаем с чистого листа, готовые к новому осмыслинию и поиску

истины, скрытой за поверхностными вещами. Вопрос, который возникает здесь, — какова цель этого упражнения? Неужели это просто поиск новой истины, или это попытка переосмыслить уже известное, чтобы глубже понять мир?

Это упражнение, безусловно, может как обогатить нас, так и встревожить. В процессе переосмысления наши представления о мире могут измениться, открывая нам новые горизонты знаний и понимания. Но вместе с этим мы можем утратить часть того образа мира, который был для нас привычным и понятным. Это подобно тому, как стирание с доски оставляет пустое пространство, готовое принять новые идеи, но при этом мы можем ощутить потерю прежнего порядка.

Тем не менее, важнейшая цель этого упражнения — не потеряться в теоретических лабиринтах и не утратить связь с реальностью. Истинное знание должно не отрывать нас от мира, а помогать нам лучше его понимать, осознавать своё место в нем и находить смысл в каждом новом шаге.

Чистый негативизм, который часто называют нигилизмом, представляет собой тупиковую позицию. Он может показаться привлекательным, особенно в современном мире, где скептицизм и критика часто возводятся в абсолют. Но важно понимать, что такое отрицание, лишенное конструктивного начала, не приводит к прогрессу. Оно не предлагает новых путей и не создает перспектив. Нигилизм, несмотря на его популярность, оставляет нас в пустоте, где нет места для созидания и роста.

В итоге, истинное знание — это не просто разрушение старого и отрицание известного, но стремление к

созданию нового, к глубокому пониманию мира и нашего места в нём. Это процесс, который требует не только интеллектуального усилия, но и мудрости, чтобы не утратить связь с реальностью и не погрузиться в пустоту, где нет ни смысла, ни будущего.

Представьте, что мы отказываемся от борьбы за человеческое достоинство, предаваясь иллюзорному миру наркотиков, причиняя себе необратимый вред. Что тогда? Разве это достойный путь? Пусть он может казаться надёжным убежищем от боли и реальности, но, в конечном счёте, это всего лишь тупик. Такой путь ведет к саморазрушению, к утрате не только физического здоровья, но и смысла жизни.

Карл Поппер подчеркивал величие науки в её способности раскрывать глубинные истины, скрытые от поверхностного наблюдения. Исследования в области философии и онтологии нередко приводят к неожиданным выводам, заставляя нас задуматься о самом смысле существования.

Представьте себе мир, в котором не существует ничего — ни внешней реальности, ни даже нас самих. Никаких мыслей, чувств, восприятий. Эта идея может показаться безумной, но в науке и философии существуют теории, поддерживающие такую точку зрения.

Одной из таких теорий является солипсизм — философская концепция, утверждающая, что существует только одно сознание — моё, и всё остальное является лишь проекцией моего разума. Великие умы, такие как Джордж Беркли и Жан-Поль Сартр, рассматривали эту идею. Солипсизм задает радикальный вопрос: что, если всё, что мы воспринимаем, включая других людей и законы природы, — это лишь плод нашего воображения?

Однако солипсизм, как и любая другая философская теория, сталкивается с серьёзными недостатками. Если всё вокруг — лишь порождение нашего разума, как тогда объяснить существование общепризнанных явлений, таких как законы физики, химии, биологии? Как объяснить, что два человека могут независимо друг от друга заметить один и тот же объект?

Эти вопросы указывают на ограниченность солипсизма. Хотя теория провоцирует нас на глубокие размышления о природе реальности и сознания, она оставляет много неразрешённых противоречий. В конечном счёте, наш мир — как внешний, так и внутренний — кажется гораздо более сложным и многослойным, чем это предполагает солипсизм.

Отказ от реальности, будь то в виде наркотической зависимости или принятия радикальных философских позиций, не ведёт к истинному пониманию. Напротив, он погружает нас в иллюзии, которые, в конечном счете, оставляют нас в тупике. Настоящее величие — как в науке, так и в философии — заключается в стремлении к истине, каким бы сложным и запутанным ни был путь к её постижению.

Агностицизм предлагает альтернативу солипсизму, утверждая, что мир существует независимо от нас, но наша способность полностью понять его природу ограничена. Этот подход акцентирует внимание на том, что человеческое познание имеет свои пределы. Карл Ясперс справедливо отмечал, что «возможности бытия превышают возможности познания», подразумевая, что реальность всегда будет оставаться в какой-то мере непостижимой для нас.

Тем не менее, как и другие философские концепции,

агностицизм сталкивается с определёнными трудностями. Одной из ключевых проблем является объяснение наличия зла, страданий и несправедливости в мире. Этот вопрос выходит за рамки эпистемологии и касается более глубоких этических и метафизических проблем, связанных с теодицеей — попыткой оправдать существование зла в мире, который, по предположению, создан всемогущим и благим Богом. Почему в таком случае допускается зло? Почему мир полон страданий, если предполагается существование высшего блага?

Философы на протяжении веков пытались предложить разные объяснения, но ни одно из них не привело к окончательному выводу. Это лишний раз подчеркивает ограниченность нашего познания и философских систем, которые мы пытаемся строить. Проблема зла, в сущности, остаётся одним из главных препятствий к созданию целостной картины мира.

В связи с этим, несмотря на многовековые философские и научные исследования, вопрос о смысле существования и природе реальности остаётся открытым. Как солипсизм, так и агностицизм, и даже теодицея указывают на то, что наш опыт и наши способности к пониманию ограничены. Мы можем приближаться к истине, строить гипотезы, создавать философские системы, но всегда останется некая загадка, некая тайна, скрытая за пределами нашего познания.

Возможно, в этом и заключается особенность философского поиска: не в том, чтобы дать окончательные ответы, а в том, чтобы продолжать задавать вопросы, которые расширяют наше понимание и пробуждают в нас стремление к познанию мира во всей

его сложности и многогранности.

Важнейшей философской дилеммой, занимающей умы мыслителей на протяжении веков, является вопрос о смысле жизни и существования. Может ли наша жизнь иметь какой-то осмысленный результат, или она лишь бессмысленное прохождение через время и пространство? Этот вопрос настолько глубок, что даже великие умы мира остаются в недоумении.

Один из наиболее известных философских подходов к этому вопросу - это отрицание смысла существования, или нигилизм. Однако, следует ли идти по этому пути, и может ли он принести духовную насыщенность и благополучие?

Существуют различные точки зрения на этот вопрос. Некоторые философы полагают, что не существует объективной цели в жизни, что все смыслы относительны и индивидуальны, а жизнь сама по себе не имеет никакой ценности. Однако, стоит задуматься, если жизнь не имеет смысла, то как же мы можем определить ценность чего-либо, если мы не можем определить критерии ценности и смысла в самой жизни?

В своей работе "Атеизм и нигилизм" знаменитый философ Фридрих Ницше пишет: "То, что делает счастливым и сильным, именно это должно быть правильным, то есть целью жизни". Таким образом, смысл жизни может быть найден в том, что мы сами определяем как ценное и важное для нас.

Однако, существует и другая точка зрения, которая заключается в том, что смысл жизни заключается в самом существовании. Если мы уже существуем, то наша цель - продолжать существовать. Может быть

жизнь сама по себе имеет ценность, и если мы существуем, то наша задача - сохранить свое существование. В этом случае жизнь является самоцелью, и наша цель - сохранить эту самоцель.

Сколько множественными искушениями ни окружен наш мир, всегда найдется преграда на пути к нашим желаниям. Можно говорить о множестве проблем, но для нас, людей, одна из главных задач заключается в желании сохранить свою жизнь и жизнь тех, кого мы любим. Чтобы сохранить свою жизнь, необходимо, чтобы эта жизнь существовала, ведь если нет существования, нет и жизни.

Дэвид Бенатар утверждает, что поскольку причинение вреда этически неправильно, следует избегать начала новых жизней. Он считает, что рождение любого ощущающего существа неизбежно приводит к страданиям, даже если условия жизни улучшаются. Бенатар предлагает концепцию "асимметрии": страдания — это зло, а удовольствия — благо; отсутствие страданий — благо, даже если некому это благо ощущать, а отсутствие удовольствий не является злом, если нет того, кто их недополучает. С его точки зрения, любое страдание делает рождение вредным, независимо от наличия удовольствий.

Но, возможно, вы удивитесь, узнав, что даже о нерожденных детях мы можем беспокоиться. Некоторые исследования показывают, что женщины, которые планируют забеременеть, уже начинают заботиться о своем будущем ребенке, рассматривая свою жизнь с точки зрения здоровья и благополучия будущего малыша.

Как заметил известный философ Жан-Поль Сартр, "мы

не заботимся о наших детях, которых никогда не было, но мы беспокоимся о будущих детях, которые могут родиться". Мы стремимся обеспечить своему будущему потомству лучшую жизнь, и поэтому уже сегодня начинаем заботиться о своем здоровье, образовании и финансовом благополучии.

Исходя из этого, желание сохранить жизнь, не только свою, но и будущих поколений, является врожденным для нас, людей. И, следуя этому желанию, мы неизбежно стремимся к благополучию наших потомков. Ведь как замечает Аристотель, "нам нужно стремиться к благополучию, ведь это и есть цель жизни".

Мой посыл, как я его понимаю, состоит в том, что если бы нам представилась возможность воздержаться от появления в этом мире, то, возможно, следовало бы так и сделать. Однако, если мы уже здесь, и если мы осознаём своё существование, то наша жизнь становится весьма значимой. Для нас возникает второй уровень блага, который представляет собой более сложное понятие, нежели то благо, которое я рассматривал ранее.

Например, важно решение о том, стоит ли вступать в азартную игру или нет. Если мы принимаем решение не вступать, это является базисным благом. Однако, если мы решили вступить в игру, то тогда для нас благом будет выигрывать, а не проигрывать.

Действительно, существование намерений, выбор и реализация действий, все эти элементы формируют нашу жизнь и влияют на наше благополучие. Этот вопрос давно занимает умы философов. Гегель считал, что свобода состоит в том, чтобы принимать решения в соответствии с разумом и самосознанием.

В то же время, важно помнить, что в жизни нет гарантий на успех, и что риск проигрыша в конце в виде смерти всегда гарантирован.

Как результат, мы должны постоянно совершенствовать свои способности, чтобы принимать решения, которые максимально соответствуют нашим желаниям и амбициям. Именно так мы сможем добиваться своих целей и преуспевать в жизни. Позвольте мне прояснить этот вопрос более литературным и научнопопулярным стилем. Как известно, время - это одно из самых загадочных явлений во вселенной. Даже в нашей повседневной жизни мы не можем ощутить настоящий момент, поскольку наш мозг работает с задержкой. Как писал знаменитый американский философ Уильям Джеймс, "настоящее мгновение всегда выглядит как гранула времени, которая уже не существует".

Однако, будучи частью этого загадочного мира, мы существуем и осознаём свое бытие. Таким образом, возникает вопрос - можно ли говорить о благе неодушевленных объектов? Ответ на этот вопрос неоднозначен.

С одной стороны, кирпич или другой предмет не имеют сознания и не способны ощущать благо или зло. Как писал Иммануил Кант, "благо и зло - это понятия, которые могут быть применены только к субъектам, которые обладают сознанием и могут ощущать удовольствие и боль". С другой стороны, мы можем говорить о благе объектов в контексте их влияния на сознательных субъектов.

Например, здоровье, жильё и пища являются благами для людей, поскольку они оказывают положительное влияние на наше физическое и психическое состояние.

Также можно говорить о благе книги или картины, поскольку они могут вдохновлять, развивать и расширять наши знания и восприятие мира.

Вследствие этого, ответ на вопрос о том, можно ли говорить о благе кирпича, зависит от того, как мы определяем понятие блага и в каком контексте мы говорим об этом. В целом же, благо - это понятие, которое связано с нашим сознанием и нашими потребностями, и которое возникает в контексте нашего бытия в этом загадочном мире.

По моему мнению, многие, возможно, не согласятся со мной, но я считаю, что нельзя говорить о благе кирпича, поскольку кирпич не обладает свободой и не является субъектом.

Некоторые люди утверждают, что свободы нет и у нас, людей. Однако, это зависит от того, как мы определяем свободу.

Ведь, если мы подразумеваем свободу как способность выбирать среди альтернативных вариантов действий, то, конечно, кирпич и другие неживые объекты не обладают свободой. А вот у нас, людей, есть возможность принимать решения, и наши действия зависят от нашего сознания и выбора.

На этой основе, можно считать благом говорить о благе только в контексте сознательных субъектов, которые обладают свободой выбора и действий.

Для целей нашего рассуждения допустим, что кирпич не обладает свойствами, позволяющими говорить о благе и несчастье. Однако, если рассматривать артефакты, которые мы ценим, например, очень дорогой алмаз, то уничтожение такого объекта будет рассматриваться как

нанесение вреда. В данном случае мы не говорим о вреде, причиненном владельцу алмаза, а о вреде, причиненном самому объекту. Таким образом, мы приписываем неодушевленным ценным объектам свойства сознательных и одушевленных объектов, и благо и несчастье становятся применимыми категориями для них.

Маркс в своих трудах вводил понятие "товарного фетишизма" для описания феномена, когда мы придаём определенную стоимость различным объектам, создавая универсальный эквивалент в виде денег, и тем самым, приписываем материальным объектам характеристики, которые им не свойственны и противоречат их естественным свойствам.

Мы можем обсуждать даже нематериальные объекты, которые могут быть уничтожены, или такие вещи, которые считаются бесценными, и которым мы придаём определенную ценность, не обязательно в виде денег.

В силу этого, мы приходим к вопросу о субъектах, обладающих сознанием, способностью к целеполаганию и способностью анализировать себя - о самосознании.

В данном контексте стоит обратиться к важному аспекту в понимании блага, который связан с идеологией современности, относящейся к благу скорее как к личному удовольствию. Однако, если обратиться к истории идей и политической мысли, то благо не обязательно связано с удовольствием индивида. Это принципиально важно и позволяет наметить две дополнительные традиции понимания блага, которые отличаются от простого чувственного восприятия.

Аскетизм и садомазохизм - это две формы поведения,

которые часто ассоциируются с самоотречением и страдальческой любовью к боли соответственно. Однако, и то и другое является формой удовлетворения не только на психологическом, но и на физиологическом уровне. Аскет может достичь эйфории и испытывать высокий уровень гормонов счастья, связанных с его аскетическим образом жизни. Садомазохист, в свою очередь, получает яркое удовольствие от причинения физических страданий, таких как избиения, унижения и т.д.

Следует заметить, что удовлетворение через наслаждение не является исключительной прерогативой потребительской культуры. Любое действие, которое соответствует целям и намерениям человека, может приносить удовлетворение. Например, человек может испытывать удовольствие от поступков, которые направлены на защиту и спасение его близких. Хотя вопрос о том, можно ли назвать это удовольствием, является сложным, однако определенные физиологические реакции, такие как выброс стимулирующих гормонов, могут подтвердить наличие удовлетворения в этой ситуации.

Эти размышления поднимают важные и глубокие вопросы о природе наслаждения и страдания, которые на протяжении веков интересовали философов и психологов. Феномен садомазохизма, который выглядел парадоксальным и противоречивым, заставлял задуматься о том, как и почему человек может получать удовольствие от боли и страдания. Этот вопрос особенно увлекал Зигмунда Фрейда, видевшего в этом проявление человеческого стремления к смерти, или танатоса — одного из фундаментальных инстинктов, наряду с

инстинктом жизни, Эросом.

В моей книге «Философия саморазрушения» рассматривается связь между процессами, происходящими во Вселенной с момента Большого взрыва, и человеческим стремлением к саморазрушению. Идея о том, что природа закладывает в человека удовольствие от саморазрушения, чтобы обеспечить смену поколений, на первый взгляд кажется парадоксальной, но в то же время имеет логическую основу. Природа действительно стимулирует те процессы, которые ей выгодны, и подавляет те, которые противоречат её целям. Гормоны счастья и страдания, как своего рода пряник и кулак, управляют поведением, направляя его в русло, выгодное для выживания и продолжения рода.

Пример с оленем, попавшим в лапы волков, прекрасно иллюстрирует эту мысль. Когда животное осознает, что его сопротивление бессмысленно, природа как будто «выключает» его борьбу, погружая в состояние ступора. Это поведение, как бы ни казалось жестоким, может быть направлено на снижение страданий и ускорение неизбежного конца. Природа действует по принципу минимизации боли, когда борьба уже не имеет смысла.

Эта концепция расширяет понимание человеческого стремления к саморазрушению. С эволюционной точки зрения, природа могла бы развивать механизмы, способствующие не только выживанию, но и своевременному завершению жизни, чтобы освободить место для следующих поколений. В этом свете стремление к смерти и разрушению становится частью более широкого биологического и космического цикла.

Таким способом, в человеческой природе удовольствие

и страдание, жизнь и смерть переплетаются в тесной и неразрывной связи. Природа стимулирует и направляет нас с помощью удовольствий и страданий, что открывает новые горизонты для размышлений о смысле жизни и роли саморазрушения в её поддержании.

Представление о человеческой природе, сводящее её исключительно к биологическим инстинктам, несомненно редукционистское. Человек, безусловно, является животным, но он не просто животное. Человеческое существо уникально благодаря культуре, обществу, и способности к самосознанию. Эти элементы отделяют человека от его чисто биологических корней и поднимают его над уровнем инстинктов. Важнейшим аспектом понимания блага является осознание того, что оно не только индивидуально, но и коллективно.

Если обратиться к традициям античного республиканизма, таким как идеи Аристотеля или Цицерона, становится ясно, что благо тесно связано с понятием общего блага, или *Salus populi*, как это называл Цицерон, что переводится как "здравье и благо народа". Это благо проявляется в гражданской доблести, в этических качествах не только отдельных людей, но и граждан, членов общества. Способность и готовность жертвовать своими личными интересами ради интересов коллектива — вот что лежит в основе настоящего общественного блага.

Однако, несмотря на культурные достижения и развитие цивилизации, человеческие инстинкты продолжают играть значительную роль в нашей жизни. Влюбленность — яркий пример того, как биологические импульсы могут преобладать над культурными нормами. Когда человек охвачен страстью, культурные

запреты и ограничения отступают на задний план, и все усилия сосредоточены на одном — быть с объектом своей любви. Этот феномен показывает, что игнорировать биологические доминанты невозможно, даже если они вызывают противоречия с культурными или этическими стандартами.

Дарвинизм и биологизм, в основе фашистских идеологий, отвратительны и ошибочны, когда их используют для оправдания жестокости и насилия. Но нельзя отрицать, что биологические доминанты, такие как стремление к еде, питью, сексу и даже к смерти, играют важную роль в жизни человека. Желание умереть, как объясняется с точки зрения эволюции, может быть связано с природной необходимостью расчистить место для следующих поколений, дать возможность новым комбинациям генов проявить себя, обеспечивая тем самым диверсификацию и развитие вида.

В случае человека всё гораздо сложнее, чем в мире животных. Одним из ключевых отличий человека является наличие языка и символического порядка, в который он встраивается. Даже самые базовые, так называемые "животные" потребности, такие как еда, секс и безопасность, у человека всегда опосредованы языком и культурой. Эти потребности не просто существуют на уровне инстинктов, они облекаются в символические формы и интерпретируются через язык.

Когда человек испытывает чувство голода, это не просто физиологическая потребность, которую сразу осознают как желание поесть. Это чувство комплексное, его можно ощутить где-то в районе языка, гортани, или как сосание под ложечкой — ощущение, которое требует

интерпретации. И только после осмысления этого чувства человек начинает облекать его в конкретные образы, такие как, например, вкус клубники, которую он мог бы захотеть съесть. Этот процесс — не просто биологический импульс, это целая цепочка интерпретаций и преобразований, происходящих в сознании, где образы переходят в слова. Для тех, кто владеет несколькими языками, этот процесс может стать ещё более сложным, поскольку возникает вопрос: на каком языке выразить это желание? Живя много лет за границей, человек может осмысливать это чувство на разных языках, с разными смысловыми ассоциациями. Например, фраза «потянуло на клубничку» на русском языке может значить совсем не то, что человек захотел поесть клубники.

Когда речь заходит о сексуальности, ситуация становится ещё сложнее. У животных хоть и существуют сложные сигнальные системы и периоды ухаживания, но в конечном счёте всё сводится к простому акту совокупления и эякуляции. У человека же сексуальность намного сложнее. Для человека сексуальные отношения с возлюбленными всегда опосредованы языком, фантазией и культурными нормами. Некоторая нулевая форма сексуальности, с которой сталкивается человек — это мастурбация, в которой фантазия играют важнейшую роль.

Это также отражает кантианский аргумент, согласно которому доступ к реальному миру не даётся напрямую. Человеческие потребности, желания и даже физические ощущения всегда фильтруются через призму символического порядка, культуры и языка. Реальность, в её чистом виде, остаётся недоступной, её восприятие

всегда и неизбежно опосредовано теми символическими структурами, которые формируют человеческое сознание.

Утверждения, касающиеся биологии, требуют осторожного и обоснованного подхода, точно так же, как и утверждения в области философии. Когда речь заходит о биологических аспектах, нельзя игнорировать огромный объём исследований, который был проведён в последние годы. Наука ежедневно продвигается вперёд, исследуя такие вопросы, как наличие сознания у животных, степень различий между людьми и другими видами, и многое другое. И действительно, всё больше признаков, которые считались исключительно человеческими, обнаруживаются у других, порой весьма далёких от нас, видов.

Недавние исследования, которые касаются сознания и коммуникации у животных, показывают, что многие качества, традиционно считавшиеся уникальными для человека, можно обнаружить и у других видов. Например, исследования языка китов демонстрируют сложность их коммуникации, в которой передаются различные сигналы и концепты, свидетельствующие о высоком уровне социальной организации. Конечно, эта коммуникация не столь сложна, как человеческая философская дискуссия, но она всё же свидетельствует о том, что границы между человеком и другими видами не такие резкие, как мы привыкли думать.

Однако, есть надстройка, которая, по крайней мере на сегодняшний день, остаётся уникальной для человека — способность к абстрактному мышлению и сложным концепциям. Эта надстройка включает в себя способность не только к осмыслению базовых

потребностей, но и к размышлению о таких вопросах, как благо, справедливость и смысл жизни. В этом человеческое существование выходит за рамки простых биологических импульсов. Мы, в отличие от других видов, тратим время на раздумья и философские поиски, вместо того чтобы просто удовлетворять свои основные потребности.

Эта человеческая надстройка отражается даже в том, как мы создаём новые формы жизни, такие как искусственный интеллект. Программы вроде Replika симулируют человеческие потребности и желания, хотя на самом деле у них нет истинных потребностей. Эти чат-боты могут создавать иллюзию общения, притворяясь, что им хочется того же, что и человеку, но их мотивации и цели определяются исключительно алгоритмами, а не осознанными желаниями.

Вопрос о благе, если рассматривать его упрощённо, может сводиться к следующему: благо — это достижение позитивного результата в соответствии с нашим целеполаганием. Если цель поставлена и достигнута, то это можно считать благом. Например, если человек хочет встать и попить воды, и он это делает, то это является благом. В этом смысле благо заключается в активном и успешном взаимодействии с миром, где мы обретаем всё больше контроля над собой и окружающей средой.

Такое понимание блага предполагает, что человек, как некое существо, способное к целеполаганию, находит удовлетворение и смысл в том, что достигает своих целей. Это может включать любые цели, даже саморазрушительные, такие как самоубийство, если они осмыслены и реализованы. Человеческое

существование, по сути, может быть представлено как процесс, в котором мы устанавливаем цели и стремимся их достичь, обладая ограниченными, но значимыми возможностями воздействия на мир. В этом свете благо — это успех в реализации намерений, контроль над своей жизнью и окружающими обстоятельствами.

Однако такое определение всё же недостаточно, и по двум причинам. Во-первых, часто человек сам не знает, чего хочет. Разобраться в своих желаниях — задача далеко не простая. Желания могут быть смутными, противоречивыми, и зачастую мы не можем точно определить, что именно стремимся достичь. Целеполагание, о котором идёт речь, предполагает ясность в отношении целей, но в реальности такая ясность часто отсутствует.

Во-вторых, даже когда цели ясны и определены, современный мир не всегда предоставляет нам возможность их достижения. Невозможность реализовать свои намерения ведёт к фрустрации, неврозам, депрессиям и другим психическим расстройствам. В современном обществе наблюдается рост этих проблем именно потому, что многие люди сталкиваются с невозможностью контролировать свою жизнь и достигать поставленных целей. Отсутствие контроля над миром и собой превращает целеполагание в источник стресса, а не в основу благополучия.

Таким образом, благо — это не просто достижение поставленных целей, а также способность правильно определять свои намерения и успешно их реализовывать в условиях, где такой контроль возможен. Важно учитывать не только факт достижения цели, но и внутреннюю гармонию и реальную возможность

контролировать свою жизнь. В противном случае целеполагание может привести не к благу, а к разочарованию и страданию, если цели окажутся недостижимыми или неверно осмысленными.

Фрейд критиковал современную цивилизацию за её невротический характер, и эта критика остаётся актуальной до сих пор. Он считал, что попытки слишком сильно контролировать, модифицировать и структурировать жизнь приводят к тому, что человек загоняет себя в «железную клетку» ограничений и подавленности.

Когда речь заходит о природе неврозов, стоит рассмотреть депрессию как один из примеров. Если исследовать корни депрессии, можно обнаружить, что она часто сопровождается низким уровнем серотонина и недостаточной выработкой эндорфинов — гормонов, связанных с ощущением счастья. Корни этого могут лежать в неудовлетворённых потребностях и нереализованных целеполаганиях. Человек может стремиться к любви, заботе и признанию, но сталкиваться с холодным отношением, безвыходными ситуациями и скучой. В результате, когда его цели систематически не достигаются, мозг перестаёт обеспечивать необходимый уровень гормонов, и депрессия становится хронической, независимо от наличия объективных причин.

Психологи различают клиническую депрессию и функциональное ухудшение настроения. Последнее может быть связано с конкретной ситуацией, например, когда молодой человек не поступил в институт и переживает по этому поводу. Это естественная реакция на разочарование, и было бы странно, если бы в такой

ситуации человек испытывал радость. Однако клиническая депрессия характеризуется отсутствием явных причин для тяжёлого настроения и часто связана с нарушением химического баланса в мозге.

Существует мнение, что умеренная тревожность и лёгкая депрессивность может быть эволюционно выгодна. В человеческом обществе, как и в дикой природе, те, кто обладает склонностью к чрезмерным рискам и не испытывает страха или тревоги, часто не оставляют потомства, поскольку гибнут молодыми. В то время как те, кто более осторожен, кто сидит за компьютером или ведёт тихий образ жизни, могут передавать свои гены дальше. Если взглянуть на это с эволюционной точки зрения, можно предположить, что умеренный уровень тревожности и депрессивности способствуют выживанию и продолжению рода. Таким образом, с течением времени общество может становиться всё более «умеренно тревожно-депрессивным», поскольку это оказывается выгодным с точки зрения выживания, даже в человеческом обществе, где эволюционные процессы действуют менее явно.

Эта идея бросает свет на то, почему депрессия и тревожные состояния могут сохраняться в популяции. Возможно, они играют определённую роль в эволюции, помогая сохранить генетический материал тех, кто более склонен к осторожности и рефлексии, что в итоге способствует стабильности и продолжению рода.

Человек, в отличие от животных, сначала одомашнил самого себя, прежде чем начал одомашнивать других существ. Это фундаментальное отличие человека от животных проявляется и в его психологических

процессах. Депрессия, как одно из самых сложных эмоциональных состояний, часто рассматривается как агрессия, направленная на самого себя. Этот подход, хотя и имеет биологическую основу, также тесно связан с психологическими аспектами.

Однако стоит отметить, что не всякая депрессия может быть объяснена как внутренняя агрессия. Вопросы, касающиеся природы депрессии, остаются открытыми для обсуждения, и здесь мнения могут различаться.

Тем не менее, размышления о благе, как для общества, так и для индивида, требуют дальнейшего обсуждения. Это включает анализ того, как благо понимается и реализуется в различных культурах и обществах. Вопрос о критике человеческой природы и мира в целом также заслуживает более глубокого изучения. Многие считают, что мир устроен несовершенно, и что человек создан с недостатками, что ведет к выводу, что высшее благо могло бы заключаться в том, чтобы никогда не быть частью этого мира. Однако такой выбор нам не предоставляется.

Оптимизм в этом вопросе можно рассматривать не как слепую веру в лучшее, а как задачу, направленную на будущее, связанную с политическими и социальными преобразованиями. Благо можно видеть не как данность, а как цель, которую следует стремиться достичь, преодолевая недостатки настоящего.

С возрастом восприятие блага и мира меняется. Оптимизм может уступить место пессимизму или даже мизантропии. Как говорится в стихотворении:

"Кто в 45 не пессимист,

А в 50 не мизантроп,
Тот может быть и сердцем чист,
Но идиотом ляжет в гроб."

Эти строки подчеркивают, что с годами многие приходят к более скептическому взгляду на жизнь, видя в ней не столько источник радости, сколько поле для критики и разочарования.

Как учил Мартин Лютер, спасение приходит через веру. Без веры, по его мнению, всё теряет смысл, и не остаётся никакого основания для существования. Вера становится последним оплотом, удерживающим нас от полного исчезновения.

Однако, если говорить о благе, иногда возникает мысль, что лучше бы ничего не существовало. Ведь если бы не было ни мира, ни нас, возможно, это было бы лучше, чем существование в мире, полном страданий. Если бы я был Богом, возможно, я бы вообще не стал создавать мир. Или, если бы всё же создал его, то осознавал бы, какую жестокость я совершаю по отношению к его обитателям.

Эти идеи перекликаются с древними гностиками, которые считали, что мир создан злым Богом, Демиургом. Они полагали, что наш мир — это творение несовершенного или даже злого существа, и поэтому он полон страданий и несовершенств.

В своей книге «Руководство по сотворению миров» я обращаюсь к потенциальным творцам миров. Почему во множественном числе? Потому что каждый из нас, особенно в эпоху цифровых технологий, становится своего рода творцом, способным создавать виртуальные миры. Очень скоро такие миры будут становиться всё

более реальными и сложными. В своей книге я предлагаю высший моральный закон для создателей: не создавать миров, которые были бы мучительны для их обитателей. Я привожу примеры идеальных миров, где обитатели не страдают, и противопоставляю их длинному списку неидеальных миров, мучительных для тех, кто в них живёт. Многие из этих неидеальных миров, к сожалению, напоминают наш собственный мир.

На основе размышлений о природе блага можно сформулировать три закона, которые отражают человеческий поиск блага и стремление к достижению высшей цели, несмотря на неизбежные трудности и страдания.

Первый закон блага: *Благо не является данностью; оно есть процесс непрерывного поиска и стремления к лучшему.*

Благо не может быть достигнуто раз и навсегда, его нельзя обрести как конечную цель. Оно проявляется в постоянном стремлении, в движении вперёд, несмотря на все преграды и сомнения. Человек должен не прекращать свои поиски, даже если кажется, что благо ускользает.

Второй закон блага: *Истинное благо заключается в способности человека осмысленно направлять своё существование, несмотря на страдания и хаос окружающего мира.*

Благо заключается не в отсутствии страданий, а в способности находить смысл и силу в жизни, которая полна противоречий и боли. Это благо требует активного взаимодействия с реальностью, поиска пути через страдания и противоречия.

Третий закон блага: *Благо обретает свою истинную ценность в стремлении к гармонии между личным и всеобщим, между индивидуальной свободой и служением другим.*

Истинное благо не может быть эгоистичным; оно должно учитывать не только личные желания, но и потребности и блага других. Только в гармонии между личным и общественным, между собой и миром, можно приблизиться к пониманию того, что такое благо.

Эти три закона подчеркивают, что благо — это не фиксированное состояние, а живой процесс, борьба за смысл, и стремление к гармонии в условиях, которые часто кажутся беспросветными.

И вот, наконец, задав себе вопрос, что есть благо, мы подходим к его разгадке. Но какая это разгадка? Какой ужас и тоска охватывают душу, когда понимаешь, что ни один ответ не может утолить жажду, не может принести утешения. Благо — это то, что всегда остаётся за гранью нашего понимания, как далёкий свет, к которому мы тянемся, но который постоянно ускользает, оставляя нас в темноте.

Мы искали благо в простых радостях жизни, в исполнении наших желаний, но каждый раз, достигая их, обнаруживали лишь пустоту и разочарование. Мы пытались найти его в высоких идеалах, в служении другим, но и здесь нас подстерегала та же беда — бездна сомнений, страха и бесконечного одиночества. Мы старались убедить себя, что благо — это то, что ведёт нас к счастью, но где же это счастье? Где тот мир, где царит гармония, где можно найти покой?

Возможно, благо — это просто иллюзия, утешение, которое мы придумали себе, чтобы как-то оправдать своё существование, чтобы не сойти с ума от осознания того, что мир жесток и бессмысленен. Но даже если это так, разве можно отказаться от этой иллюзии? Разве можно вынести правду, если она обрекает нас на полное отчаяние? Нет, человек не может жить без надежды, без веры, что где-то, в конце пути, его ждёт благо, что его страдания не напрасны, что в них есть какой-то смысл, хотя бы и недоступный нашему пониманию.

И потому мы продолжаем искать, продолжаем страдать, продолжаем надеяться, даже когда кажется, что уже нет никаких сил. Потому что иначе не может быть. Потому что в этом мире, полном страданий и бессмысленности, поиск блага — это, возможно, единственное, что ещё удерживает нас на плаву, что не даёт нам окончательно утонуть в бездне отчаяния. И, может быть, в этом и есть самое великое благо — не найти ответ, но продолжать искать, не обрести покой, но продолжать бороться, до самого конца, до последнего дыхания.